

ЗАЩИТА И РАЗРАБОТКА ПЛЕХАНОВЫМ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА В 1883—1903 гг.

Большой исторической заслугой Плеханова являлась критика им позитивизма народников в области объяснения исторического процесса. Михайловский и другие идеалисты отстаивали точку зрения позитивизма. «Умственный элемент», утверждали они, — центральная нить в исследовании общественных явлений и двигатель истории. «Позитивисты, — писал Михайловский, — говорят только, что умственный элемент имеет значение руководителя в социальном движении и им обуславливается количество и качество средств для удовлетворения человеческих склонностей и желаний».¹

В ходе борьбы с народничеством Плеханов дал цельное и систематическое изложение материалистического понимания истории. Он отмечал внутреннее логическое единство диалектического и исторического материализма: «Итак, мы видим, что материалистическое мирозерцание Маркса—Энгельса охватывало и природу и историю. И в том и в другом случае оно было „существенно-диалектическим“». Поскольку диалектический материализм касался истории, Энгельс называл его иногда историческим материализмом».²

Плеханов подчеркивал великое практическое значение исторического материализма, который раскрывает пролетариату законы революционного преобразования современного общества. «Философия истории нашего времени, — писал он, — материалистическое объяснение истории. Разрабатывать его, значит углублять ту теорию, которая ближе всего подходит к нашей практике».³

Вопросы исторического материализма изложены Плехановым в многочисленных работах: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Несколько слов в защиту экономического

материализма», «О материалистическом понимании истории», «К вопросу о роли личности в истории» и др. Значение произведений Плеханова против народников и буржуазных идеологов в 80—90-е годы заключалось не только в систематическом изложении основных положений исторического материализма, в их пропаганде, но и в развертывании новой аргументации его отдельных вопросов, а также в разработке некоторых социологических проблем.

Плеханову принадлежит историческая заслуга конкретизации и развития некоторых вопросов материалистического понимания истории: критика «теории факторов», «экономического материализма», «расовой теории», конкретизация проблемы роли личности в истории, относительная самостоятельность в развитии идеологии и др. Он внес некоторые новые моменты в трактовку вопроса, почему процесс производства составляет основу общественной жизни.

Плеханов требует творческого подхода к анализу фактов общественной жизни. Материалистическое понимание истории он рассматривает как метод, ведущий к раскрытию истины в области общественных явлений, а вовсе не как собрание готовых и законченных выводов. Марксист, замечает Плеханов, не может ограничиться простым повторением того, что не сознание определяет собой бытие, а бытие — сознание; он должен, напротив, постараться выяснить себе, как же происходит на самом деле это определение сознания бытием. Для этого необходимы изучение фактов и обнаружение их причинной связи.

В историческом материализме Плеханов видит принципиально новую социологическую концепцию по сравнению со всеми предшествовавшими теориями. Плеханов подчеркивает, что к решению этой теоретической задачи ощупью и стихийно шли прогрессивные философы, социологи, историки и экономисты. Материалистическое понимание истории впитало в себя весь прогресс предшествующей теоретической мысли в этом направлении.

В своих произведениях, например в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», Плеханов анализирует теоретические источники исторического материализма, что является его значительной теоретической заслугой. «Чтобы понять исторические взгляды Маркса, — писал он, — нужно припомнить, к каким результатам пришла философия и общественно-историческая наука в период, непосредственно предшествовавший его появлению. Французские историки времен реставрации пришли, как мы знаем, к тому убеждению, что „гражданский быт“ — „имущественные отношения“ составляют коренную основу всего общественного строя. Мы знаем также, что к тому же выводу пришла, в лице Гегеля, и идеалистическая немецкая философия — пришла против воли, вопреки своему духу, просто в силу недостаточности, несостоятельности идеалистического объяснения истории.

¹ Н. К. Михайловский, Что такое прогресс? 1922, стр. 98.

² Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, М., 1937, стр. 175.

³ Там же, сб. III, М., 1936, стр. 85.

Маркс, усвоивший себе все результаты научного знания и философской мысли своего времени, вполне сходится относительно указанного вывода с французскими историками и с Гегелем».⁴

Плеханов подчеркивал, что в ходе развития общества возникали прогрессивные идеи в области социологии. «Как и всякий предмет, философия истории имела свою собственную историю. Я хочу этим сказать, что в различные эпохи люди, занимавшиеся вопросом о причинах исторического движения, различно отвечали на этот великий вопрос. Каждая эпоха имела свою собственную философию истории».⁵ Больше того, в один и тот же исторический период существовала не только одна, а несколько школ философии истории.

В своих лекциях о материалистическом понимании истории, прочитанных в марте 1901 г. в Женеве, Плеханов дает интересную характеристику различным учениям об историческом процессе в разные эпохи. Он отмечал, что наука о человеческом обществе развивалась гораздо медленнее, чем наука о природе. Но и здесь в целом был замечен прогресс.

Проанализировав взгляды французских материалистов, утопистов-социалистов, историков времен реставрации, Гегеля, Плеханов пришел к следующему заключению: «Мы видим, таким образом, что со всех сторон — со стороны философии, как и со стороны истории в собственном смысле и истории литературы, — эволюция общественной науки в ее различных отраслях приводила к одной и той же проблеме: *выяснить происхождение общественного строя*. Пока эта проблема оставалась неразрешенной, наука продолжала топтаться в логическом тупике, заявляя, что *В* есть причина *А*, и указывая при этом на *А*, как на причину *В*. И наоборот — все, по-видимому, должно было разъясниться, как только вопрос о происхождении общественного строя будет разрешен.

«К разрешению этой проблемы и стремился Маркс, когда он вырабатывал свое материалистическое понимание истории».⁶

Великий подвиг Маркса, по мнению Плеханова, заключался прежде всего в том, что он выяснил переход человека из зоологического состояния на ступень общества, вскрыв основу этого исторического процесса. «В орудиях труда, — писал Плеханов, — человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение. С того времени, как он возвысился до их употребления, он придает совершенно новый вид истории своего развития: прежде она, как у всех остальных животных, сводилась к видоизменениям его естественных органов; теперь она становится прежде всего историей усовершенствования его искусственных органов, роста его производительных сил.

⁴ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 608.

⁵ Там же, т. II, М., 1956, стр. 635.

⁶ Там же, стр. 656—657.

«Человек — животное, делающее орудия, — есть вместе с тем и общественное животное, происходящее от предков, живущих в течение многих поколений более или менее крупными стадами. Для нас не важно здесь, почему наши предки стали жить стадами, — это должны выяснить и выясняют зоологи, — но с точки зрения философии истории в высшей степени важно отметить, что с тех пор, как искусственные органы человека стали играть решающую роль в его существовании, сама общественная жизнь его стала видоизменяться в зависимости от хода развития его производительных сил».⁷

Маркс положил конец заблуждениям и логическим противоречиям в объяснении общества, вскрыл действительные законы общественного развития. «Итак, — пишет Плеханов, — как только человек становится животным, производящим орудия, он вступает в новую фазу своего развития: его зоологическое развитие заканчивается, начинается его исторический жизненный путь».⁸

Излагая основные положения материалистического понимания истории, Плеханов следующим образом характеризовал его основную идею: «Но каждой данной стадии развития производительных сил соответствуют известные отношения людей в общественном процессе производства. Характер этих отношений определяет всю социальную структуру, которая со своей стороны определяет способ восприятия, чувствования, мышления и действия людей, словом их природу».⁹

Большое место в своих социологических воззрениях Плеханов отводит выяснению роли географической среды в развитии общества. В целом он решает эту проблему правильно, конкретизирует ее на основе богатого фактического материала. Но, как мы увидим дальше, он допускает отдельные ошибочные формулировки. Больше того, исходя из последних, Плеханов позже в «Истории русской общественной мысли» (1914) пришел к глубоко ошибочному взгляду о решающей роли географической среды в развитии исторического процесса в России, именно в создании государства и общественной идеологии.

Плеханов анализирует роль географической среды на различных этапах развития общества. Он обращает внимание прежде всего на ее роль при переходе предков человека к общественному человеку. В своем заключении он писал: «Таким образом, только благодаря некоторым особым свойствам географической среды наши антропоморфные предки могли подняться на ту высоту умственного развития, которая была необходима для превращения их в *toolmaking animals*. И точно так же только некоторые особенности той же среды могли дать простор для употребления в дело

⁷ Там же, т. I, стр. 610.

⁸ Там же, т. II, стр. 151.

⁹ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. V, М., 1938, стр. 5.

и постоянного усовершенствования этой новой способности „делания орудий“. В историческом процессе развития производительных сил способность человека к „деланию орудий“ приходится рассматривать прежде всего как величину постоянную, а окружающие внешние условия употребления в дело этой способности — как величину постоянно изменяющуюся.¹⁰

Между обществом и географической средой, утверждает Плеханов, происходит взаимовлияние. Основой этого взаимодействия является производство общественного человека, изменяющее характер влияния естественных условий на общество. Производительные силы определяют характер и направление развития общества. «Действуя на природу вне его, человек изменяет свою собственную природу. Он развивает все свои способности, а между ними и способность к „деланию орудий“. Но в каждое данное время мера этой способности определяется мерой уже достигнутого развития производительных сил».¹¹

Диалектический материализм не игнорирует влияния географической среды на развитие общества; он выясняет влияние «естественных факторов» и «показывает, что географическая среда обеспечивает людям большую или меньшую возможность развития их производительных сил и тем более или менее энергично толкает их по пути исторического движения».¹²

В яркой форме Плеханов доводит до читателя основные положения Маркса из предисловия «К критике политической экономии», указывая, что состоянием производительных сил определяются экономические отношения людей, которые прямо, непосредственно или косвенно обуславливают правовые, политические учреждения и взгляды, все создания мысли и воображения: искусство, науку и пр.

Подвергая критике идеалистические учения общественного развития, Плеханов следующим образом характеризует основной закон общества и его развития: «Всякая данная ступень развития производительных сил необходимо ведет за собою определенную группировку людей в общественном производственном процессе, т. е. определенные отношения производства, т. е. определенную структуру всего общества. А раз дана структура общества, нетрудно понять, что ее характер отразится вообще на всей психологии людей, на всех их привычках, нравах, чувствах, взглядах, стремлениях и идеалах».¹³

В процессе изложения и обоснования основных положений материалистического понимания истории Плеханов развертывает критику социологии народников, разоблачая их метафизику и

¹⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 614.

¹¹ Там же, стр. 615.

¹² Там же, стр. 732.

¹³ Там же, стр. 644.

субъективизм в теории. Он опроверг клеветнические измышления Михайловского и Кривенко, считавших учение Маркса ошибочным в его исходных положениях и принципах и утверждавших, что оно якобы логично ведет к квиетизму. Плеханов с полным основанием заявлял, что, напротив, субъективно-идеалистический взгляд на историю, игнорирующий объективную историческую закономерность и признающей абсолютную свободу воли личности, по существу приводит к фатализму.

Субъективизм народников заключается в отрицании законов истории, в постановке на место объективной закономерности субъективного желания. Плеханов подчеркивал, что марксизм, напротив, стремится направить свою революционную деятельность сообразно с объективными законами истории.

Критика Плехановым позитивизма народников имела международное значение. Это был период, когда против марксизма, против материалистического понимания истории выступили позитивисты под различным флагом, в частности неокантианцы, отрицавшие объективный характер законов природы и внесшие в социологию и историю субъективизм в истолковании всех их проблем.

Рассматривая проблемы исторического материализма, Плеханов опровергает буржуазные теории исторического процесса, направленные против марксизма. В произведениях «Несколько слов в защиту экономического материализма», «О материалистическом понимании истории» и других он полемизирует со сторонниками идеалистических, эклектических и вульгарно-материалистических взглядов.

Глубокой и содержательной критике он подверг широко распространенную в то время эклектическую теорию факторов, показал ее полную теоретическую несостоятельность, неспособность объяснить исторический процесс. Противопоставляя теории факторов исторический материализм, Плеханов писал: «Исторические „факторы“ оказываются простыми абстракциями, и, когда исчезает их туман, становится ясно, что люди делают не несколько отдельных одна от другой историй — историю права, историю морали, философии и т. д., — а одну только историю своих собственных общественных отношений, обуславливаемых состоянием производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории».¹⁴

В борьбе со сторонниками эклектической теории факторов Плеханов обосновывает монистический характер взглядов Маркса и Энгельса на исторический процесс. Взаимодействие различных сторон общественной жизни само по себе, замечает он, еще ничего не объясняет, ссылка на него как на конечное решение про-

¹⁴ Там же, т. II, стр. 266.

блемы представляет собой лишь уклонение от ответа. Диалектика более глубоко понимает взаимную связь явлений в обществе, требуя выяснения главного, основного в развитии многообразных сторон исторического процесса.

Отвергая эклектическую теорию факторов, Плеханов одновременно подверг критике позицию так называемого «экономического материализма», в котором он усматривал в конечном счете разновидность идеализма. Это было в то время одним из новейших средств борьбы буржуазии против марксизма.

Плеханов подчеркивал, что приверженцы «экономического материализма» игнорируют роль народных масс в истории, не в состоянии объяснить активной роли человека в развитии производительных сил и изменении общественных отношений и впадают в идеализм при объяснении причин развития истории.

В своем опровержении «экономического материализма» Плеханов обстоятельно выясняет относительную самостоятельность в развитии идеологии, обратное активное влияние надстройки на базис. Прогрессивная идея передового класса, указывал он, совпадающая с его реальными экономическими интересами, становится непреодолимой силой, если в ней схвачен и выражен действительный ход истории. Поэтому теория Маркса, являясь надежным путеводителем для пролетариата, вливает в него беспрецедентную энергию.

В полемике с народниками Плеханов отверг их попытки приписать марксизму точку зрения квиетизма. Материалистическое понимание истории вовсе не обрекает своих сторонников на бездействие, напротив, оно побуждает их к действиям для ускорения исторического процесса. Теория Маркса дает полную уверенность в необходимости активной деятельности людей. Только она признает и обосновывает положение о том, что крупные события во всемирной истории не могут совершаться без деятельности народных масс. В этой связи он писал: «...общественные отношения (в человеческом обществе) суть отношения людей, и не один великий шаг в историческом движении человечества не может совершиться не только без участия людей, но и без участия великого множества людей, т. е. масс».¹⁵

Произведения Плеханова, направленные против народников и некоторых буржуазных идеалистических публицистов в 1883—1898 гг., представляют прочное завоевание марксистской мысли. В них мы находим разработку некоторых весьма важных проблем исторического материализма.

Прежде всего это относится к конкретизации марксистского учения о способе производства и базисе.

Плеханов в своем анализе способа производства как основы общества обогащает марксистскую аргументацию, раскрывает

¹⁵ Там же, стр. 214.

внутреннюю логику развития производительных сил и активную роль производственных отношений. Развитие способа производства, говорит он, определяет возможность и пределы влияния других сторон материальных условий общественной жизни, в частности влияние на общество географической среды.

«Зависимость человека от географической среды из непосредственной превращается в посредственную. Географическая среда влияет на человека через общественную. Но благодаря этому отношение человека к окружающей его географической среде становится до крайности изменчивым. На каждой новой ступени развития производительных сил оно оказывается не тем, чем было прежде. Географическая среда совсем иначе влияла на британцев времен Цезаря, чем влияет она на нынешних обитателей Англии. Так разрешает современный диалектический материализм противоречия, с которыми никак не могли справиться просветители XVIII века».¹⁶

Основу взаимодействия общества и географической среды составляют производительные силы. «Диалектический материализм, — замечает Плеханов, — признает, как мы видим, существование взаимодействия, но он при этом объясняет его, указывая на развитие производительных сил».¹⁷

Плеханов подробно выясняет характер и формы влияния географической среды на общество и изменение его под влиянием последнего. Это составляет его известную заслугу. Можно найти много интересных в теоретическом плане его соображений в работах, направленных против народников. Однако Плеханов при рассмотрении данной проблемы допускает иногда неточность, отступление от истинного, марксистского решения. Правильно говоря о внутренней логике развития способа производства, он в некоторых случаях заявляет о том, что развитие производительных сил определяется свойствами географической среды.

Последние формулировки находятся в противоречии с его общей марксистской позицией. Для примера возьмем его следующее высказывание: «Первоначально толчок для развития общественных производительных сил дает сама природа: их рост в значительной степени определяется свойствами географической среды. Но отношение человека к географической среде не неизменно: чем больше растут производительные силы, тем быстрее изменяется отношение общественного человека к природе, тем быстрее подчиняет он ее своей власти».¹⁸

Касаясь содержания производительных сил, Плеханов указывал, что орудия труда составляют только часть средств, необходи-

¹⁶ Там же, т. I, стр. 689.

¹⁷ Там же, стр. 689 (прим.).

¹⁸ Там же, т. II, стр. 228.

мых для производства. «Вот почему, — замечает он, — точнее будет говорить не о развитии *орудий труда*, а вообще о развитии *средств производства, производительных сил*, хотя совершенно несомненно, что самая важная роль в этом развитии принадлежит или, по крайней мере, принадлежала до сих пор (до появления важных *химических* производств) именно *орудиям труда*».¹⁹

В своей характеристике производительных сил Плеханов делал ударение на роль средств производства, особенно техники. Вопрос о значении трудящихся в системе производительных сил как главной производительной силы общественного производства анализировался им недостаточно. Как известно, эта проблема была разработана потом В. И. Лениным. Ограничивая в своем анализе, по существу, содержание производительных сил средствами производства и не видя диалектики их элементов — средств производства и главной производительной силы — трудящихся, Плеханов ищет эту диалектику в развитии производительных сил и географической среды. Отсюда у него и происходили нередко преувеличенные суждения о роли географической среды в развитии общества.

Но будучи историческим материалистом, он не мог последовательно, до конца развить эту ошибочную точку зрения, поэтому мы встречаем у него и правильное решение по вопросу о соотношении общества и географической среды. В последнем случае он говорит о том, что развитие производительных сил влечет за собой изменение влияния географической среды на общество.

Следует заметить, что во взглядах Плеханова в указанной области обнаруживается влияние концепции историка Соловьева и др., которые своей «географической точкой зрения» в области объяснения древнерусского периода истории укрепляли его в ошибочных суждениях.

Нам представляется, что именно отсутствие понимания роли главной производительной силы в системе производительных сил обусловили собой ошибку Плеханова в объяснении значения географической среды в развитии общества.

Плеханов подробно анализирует содержание производственных отношений, конкретизирует марксистский взгляд. Он подчеркивает, что производственные отношения — «Это совокупность фактических отношений людей, составляющих данное общество, в их производственном процессе. Эти отношения не представляют собою неподвижной метафизической сущности. Они вечно изменяются под влиянием развития производительных сил, равно как под влиянием той исторической среды, которая окружает данное общество. Раз даны фактические отношения людей в процессе производства, из этих отношений вытекают роковым образом известные следствия. В этом смысле общественное движение законо-

¹⁹ Там же, т. I, стр. 609.

сообразно, и никто лучше Маркса не выяснил этой законосообразности».²⁰

Средства производства определяют взаимные отношения людей в процессе производства. «Каждый новый великий исторический шаг в развитии производительных сил вызывает целый переворот во взаимных отношениях производителей, а вместе с тем и во всем общественном устройстве».²¹

Между производительными силами и производственными отношениями существуют постоянные противоречия. Прочность производственных отношений определяется степенью соответствия их состоянию производительных сил. Анализируя принцип соответствия производственных отношений состоянию общественных производительных сил, Плеханов подчеркивает, что несоответствие не сразу обнаруживает себя. Новое соответствие возникает в результате устранения старой экономической структуры, причем средством устранения ее выступает «политический фактор». Происходит борьба прогрессивного класса против старых, отживших экономических отношений и политических учреждений.

Весь этот сложный процесс общественного развития Плеханов изображает следующим образом: «Всякая данная совокупность отношений производства прочна лишь там и до тех пор, пока она соответствует состоянию общественных производительных сил; когда исчезнет это соответствие, уничтожаются и данные отношения производства, — данная экономическая структура, — уступая место новой совокупности отношений. Разумеется, всякая данная экономическая структура не сразу перестает соответствовать состоянию общественных производительных сил: это целый процесс, совершающийся, смотря по обстоятельствам, с большею или меньшею быстротою. Орудием устранения отжившей экономической структуры служит политический „фактор“. Развитие общественных производительных сил с течением времени делает неудобной, стеснительной для большинства данную экономическую структуру, т. е. данную систему взаимных отношений людей в общественном процессе производства. По мере того как растут неудобства этой системы, увеличивается число людей, недовольных ею, растет партия новаторов, другими словами — изменяются взаимные отношения людей и в области политической жизни. Когда это изменение достигает известной степени, начинается процесс переделки старой экономической структуры, процесс, быстрота и интенсивность которого тоже далеко не всегда одинаковы. Отсюда, между прочим, опять видно, почему ничто в общественной жизни не совершается „само собою“, а все предполагает деятельность общественного человека».²²

²⁰ Там же, стр. 709.

²¹ Там же, т. II, стр. 207.

²² Там же, стр. 278.

Заслуживает внимания плехановская постановка вопроса о содержании производственных отношений. Он различает два их типа: общественно-имущественные и общественно-технические отношения. Под последними он понимает непосредственные отношения производителя в процессе производства.

Всестороннему анализу Плеханов подвергает вопросы соотношения базиса и надстройки. Он раскрывает прежде всего марксистское учение о политической и правовой надстройке и о их значении в развитии экономики. Линия исторического развития, указывал Плеханов, никогда не совершается в плоскости одной экономики. Путь от одной точки поворота в экономическом развитии лежит всегда через надстройку, через посредство политических учреждений. «От чего зависят политические учреждения данной страны? Мы уже знаем, что они выражают собою экономические отношения. Но для того, чтобы войти в жизнь, эти подсказываемые экономикой политические учреждения должны предварительно пройти через головы людей в виде известных понятий. И вот почему человечество никогда не может перейти от одной поворотной точки своего экономического развития до другой, не пережив предварительно целого переворота в своих понятиях».²³

Всесторонне рассматривает Плеханов и вопрос о роли прогрессивных идей в развитии общества. Он подчеркивает, что только марксизм, уяснивший источник происхождения идей, правильно понимает огромную общественную силу прогрессивных идей для изменения общественных отношений людей.

Плеханов глубоко обосновывает положение Маркса и Энгельса об активной роли политической и идеологической надстройки, об обратном их влиянии на базис.

Ему принадлежит историческая заслуга конкретизации марксистского учения о взаимоотношении надстройки и экономического базиса. Он писал, что «Сознание зависимости общественных отношений от состояния производительных сил все более и более проникает в современную общественную науку, несмотря на неизбежный эклектизм множества ученых, несмотря на их идеалистические предрассудки».²⁴ На значительном конкретном материале с широкой аргументацией Плеханов раскрывает зависимость различных видов надстроек — права, морали, науки, искусства, религии, философии, — от базиса, вскрывает различные формы связи — непосредственные и опосредованные.

Непосредственно к экономике, по Плеханову, примыкает политическая надстройка.

Разъясняя сущность политического фактора, политики, Плеханов писал: «Это — деятельность людей, направленная к достиже-

²³ Там же, стр. 216.

²⁴ Там же, т. I, стр. 632.

нию различных (экономических, правовых, нравственных) целей и опирающаяся на существующее в данное время соотношение общественных сил, т. е. сил различных общественных классов и слоев. Таким образом, мы в политике, как и в экономике, имеем дело лишь с общественными отношениями людей. Одни и те же люди создают одною стороною своих отношений экономическую структуру общества, а другою стороною — его политический строй».²⁵

Касаясь права в обществе, Плеханов подчеркивает зависимость системы права непосредственно от существующих экономических отношений в обществе. «То обстоятельство, — писал он, — что данная совокупность правовых учреждений полезна или вредна для общества, никоим образом не может зависеть от свойств какой бы то ни было или чьей бы то ни было «идеи»: оно зависит, как мы видели, от тех способов производства и от тех взаимных отношений между людьми, которые создаются этими способами. В этом смысле у права нет и не может быть идеальной основы, так как основа его всегда реальна. Но реальная основа всякой данной системы права не исключает идеального отношения к ней со стороны членов данного общества».²⁶

С развитием производительных сил, ведущих к изменению взаимных отношений в общественном процессе производства, изменяются отношения собственности, и эти новые фактические отношения людей выражаются в новых правовых учреждениях и понятиях.

Что касается остальной части надстройки, то Плеханов подчеркивает ее косвенную зависимость от экономических отношений. Следуя за Энгельсом, он анализирует относительную самостоятельность таких идеологических форм, как мораль, наука, философия, искусство. Но эта последняя закономерность, замечает он, вовсе не отменяет основного принципа материалистического понимания истории: общественное бытие определяет общественное сознание.

Вопрос сводится к признанию того, что общественно-историческое развитие неравномерно. Экономика, политика и идеология не развиваются одновременно параллельно друг другу, как и отдельные стороны общественного сознания. «Маркс, — писал Плеханов, — лучше чем кто бы то ни было понимал, что историческое движение человечества никогда не совершается по прямой линии и что поэтому различные стороны общественной жизни и мысли никогда не могут идти в своем развитии параллельно и с одинаковой быстротою».²⁷

²⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 172.

²⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 631.

²⁷ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 1, М., 1934, стр. 128.

Анализ идеологии и ее форм представляет собой одну из важнейших проблем исторического материализма, где Плеханов сделал значительный самостоятельный шаг в конкретизации марксистской теории. Эта проблема не получила своего дальнейшего развития у марксистских теоретиков на Западе — П. Лафарга и Ф. Меринга, которые по преимуществу подчеркивали тезис о зависимости идеологии от развития базиса. В этой связи Энгельс, находя произведение Меринга «Легенда о Лессинге» превосходным, вместе с тем обращал внимание его на необходимость анализа активной роли и относительной самостоятельности идеологии.

Формулируя зависимость идеологии в конечном счете от экономики как основную закономерность ее развития, Плеханов подчеркивал, что «в то время как экономическое развитие в общих чертах достаточно может быть объяснено при помощи своей собственной логики, путь духовной эволюции находит себе объяснение только в экономике».²⁸

Но существенной закономерностью развития идеологии, — продолжает он, — является ее относительная самостоятельность. «В интересах правильного решения этого вопроса надо помнить, что далеко не все части «надстройки» непосредственно вырастают из экономической основы: искусство связано с нею лишь посредственно».²⁹ Задача исследователя заключается в выяснении этой особой формы связи с экономическим базисом через ряд посредствующих звеньев. «В области идеологии, — замечает Плеханов, — многие явления могут быть только косвенным образом объяснены влиянием экономического движения».³⁰

Раскрывая относительную самостоятельность в развитии идеологии, Плеханов указывает на историческую преемственность идей, как на одну из важных сторон ее развития. «Конечно, — замечает он, — никогда не следует при этом забывать, что если идеи, господствующие в каком-нибудь классе в данное время, по своему содержанию определяются социальным положением этого класса, то по своей форме они находятся в тесной связи с идеями, господствовавшими в предыдущую эпоху в том же самом или в высшем классе».³¹

Плеханов тонко анализирует вопрос об относительной самостоятельности в развитии идеологии. Проблема им рассматривается в следующих аспектах: 1) опосредствующая связь идеологии с базисом; 2) особенности зависимости различных форм идеологии от базиса; 3) историческая преемственная связь идеологии

²⁸ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 176.

²⁹ Там же, стр. 289.

³⁰ Там же, стр. 176.

³¹ Там же, стр. 175.

и ее положительный и отрицательный характер; 4) активная роль идеологии.

Касаясь последнего вопроса, Плеханов писал: «Не сознание определяет собою бытие, а бытие — сознание. Это так. Это — исторический материализм. Но это еще не весь исторический материализм. К этому необходимо прибавить, что, раз возникнув на основе бытия, сознание со своей стороны способствует его дальнейшему развитию».³²

Подчеркивая относительную самостоятельность в развитии идеологии, наличие особенных законов сочетания представлений и понятий, Плеханов вместе с тем отмечал, что не в этих особенных законах надо искать причины развития общества, а в законах социально-экономического развития. «Что в развитии человеческой мысли, — указывает он, — точнее сказать, в сочетании человеческих понятий и представлений, есть свои особенные законы — этого, насколько нам известно, не отрицал ни один из „экономических“ материалистов. Никто из них не отождествлял, например, законов логики с законами товарного обращения. Но тем не менее ни один из материалистов этой разновидности не находил возможным искать в законах мышления последней причины, основного двигателя умственного развития человечества. Именно это-то отличает в выгодную сторону „экономических материалистов“ от идеалистов и особенно от эклектиков».³³

Марксизм указывает, что особенные законы общественного сознания обуславливаются законами развития материального производства и социальных отношений. «Идеи, чувства и верования, — писал Плеханов, — сочетаются по своим особым законам. Но эти законы приводятся в действие внешними обстоятельствами, не имеющими ничего общего с этими законами».³⁴ Этими обстоятельствами являются социально-экономические условия жизни классов в обществе.

Касаясь сложности отражения в сознании людей их общественных отношений в антагонистическом обществе, Плеханов писал: «Надо строго различать человека, стоящего перед зеркалом, от его изображения в зеркале, и надо столь же строго различать общественные отношения людей от отражения этих отношений в сознании».³⁵

В своем анализе идеологии Плеханов борется и против идеализма, и против вулгарного экономического материализма. В связи с этим следует упомянуть интересную и глубокую по содержанию рецензию Плеханова на книгу Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» (1909), где

³² Там же, т. III, М., 1957, стр. 312.

³³ Там же, т. I, стр. 663—664.

³⁴ Там же, стр. 665.

³⁵ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 188.

он справедливо опровергает вульгаризаторские утверждения Шулятикова о том, что философия выражает ближайшие интересы буржуазии, называя эту его мысль суздальской простотой.

Один из буржуазных социологов белоэмигрант Лазерсон, характеризуя взгляды Энгельса, а затем Плеханова по вопросу об обратном влиянии надстройки на базис, пытался представить их как отступление от прежнего тезиса марксизма о зависимости надстройки от базиса, как новую концепцию многофакторности общественного развития.

Едва ли нужно говорить, что Плеханов как раз и раскрывает действительно марксистскую формулу общественного развития, критикуя узость и односторонность взглядов «экономических материалистов». В представлениях буржуазных социологов материалистическое понимание истории рассматривается как односторонняя концепция прямой и непосредственной зависимости политики и идеологии от экономики.

Весьма важное значение имели произведения Плеханова, в которых конкретизирована и разработана проблема роли народных масс и личности в истории. Эта проблема была поднята им в процессе полемики с субъективно-идеалистическими взглядами народников. Уже в своих ранних произведениях, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», Плеханов развивает марксистский взгляд на решающую роль народных масс в истории и на соотношение понятий «масса», «класс», «личность». Особое место занимает его работа «К вопросу о роли личности в истории» (1898).

Как известно, народники в лице Лаврова, Ткачева, Михайловского и других развивали субъективизм в понимании истории, выдвигая на первое место так называемую критически мыслящую личность, которая будто бы и творит весь исторический процесс. Массы, по их мнению, не способны к творческому развитию; они слепо следуют за героями. Плеханов подверг обстоятельной критике эти взгляды, показав, что народники были в действительности очень далеки от народа. Характеризуя противоположность взглядов народников и социал-демократов, он писал: «Социалист-народник, не имея никакой поддержки в народе, даже и не подзревает ложности своего положения; он добровольно удаляется в пустыню, заботясь единственно о том, чтобы его голос долетал до его собственных ушей и радовал его собственное сердце. Рабочий класс, как он представляется социал-демократу, есть могучая, вечно подвижная, неутомимая сила, которая одна только и может теперь вести общество по пути прогресса. Народ, как он представляется социалисту-народнику, — это неуклюжий, черноземный богатырь, способный сотни лет оставаться неподвижным на своих пресловутых „устах“. В этой неподвижности нашего Ильи Муромца социалист-народник видит не недостаток, а весьма большую заслугу. Он не только не огорчается ею, но просит у ис-

тории одной милости: не сталкивать русского богатыря с его уже порядочно-таки просиженных устоев вплоть до счастливой поры, когда он, добрый социалист-народник, управившись с капитализмом, царизмом и прочими вредными „влияниями“, довольный и сияющий, явится к Илье Муромцу и почтительно доложит: *Monsieur est servi! Кушать подано!*».³⁶ Характеристика субъективистской позиции народничества здесь дана Плехановым исключительно метко.

В работе «К вопросу о роли личности в истории» Плеханов указывает, что Лавров, Михайловский и другие народники заимствовали свой взгляд на соотношение личности и массы у младогегельянца Б. Бауэра: «Противоположение „героев массе“ („толпе“) перешло от Бруно Бауэра к его русским незаконнорожденным детям, и мы имеем теперь удовольствие созерцать его в статьях г. Михайловского».³⁷

Плеханов разоблачал политическую и теоретическую несостоятельность народников в решении вопроса о роли народа в истории. Он писал, что народники не умеют подняться от действий отдельных личностей к действиям масс, к действиям классов истории. Революция — не заговор группы интеллигентов, а движение самих масс. История делается не «критически мыслящими» личностями по их произволу и фантазии, а народными массами, классами. Плеханов подчеркивает, что учение о критически мыслящих личностях, противостоящих массе, представляет собой идеализм, отрицание закономерности в истории и признание на деле господства случайности в общественном процессе. Марксист исходит из закономерности в обществе. «Субъективный же социолог изгоняет *законосообразность* во имя „желательного“, и потому для него не остается другого выхода, как уповать на случайность. На грех и из палки выстрелишь — вот единственное утешительное соображение, на которое может опереться добрый субъективный социолог».³⁸

Субъективистская философия, указывал Плеханов, кажется нам вредной потому, что мешает развитию понимания того, что народ должен стать героем исторического действия. Интеллигенция должна содействовать развитию этого самосознания. Марксизм спешит на помощь трудящейся массе, которая опирается в своем сознательном движении на его выводы.

В борьбе со взглядами Бакунина, Лаврова, Ткачева и Михайловского Плеханов обосновывает марксистский взгляд на решающую роль народных масс в историческом процессе. Народные массы и только они, говорил Плеханов, представляют решающую силу как в западноевропейских странах, так и в России. Подчер-

³⁶ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 392.

³⁷ Там же, стр. 735.

³⁸ Там же, стр. 554.

квивая решающее значение народных масс в политической борьбе на Западе, Плеханов писал: «Никакими софизмами нельзя вычеркнуть из истории факт, что решающая роль в борьбе западноевропейских стран за свое политическое освобождение принадлежала народу и только народу».³⁹

В своем реферате на тему о судьбах капитализма в России, прочитанном в конце 1895 г. или в начале 1896 г., он говорил: «История показывает, что грубые руки народа нужны также и для завоевания политической свободы. Это неоспоримый вывод».⁴⁰

Большой заслугой Плеханова в этой связи является то, что он впервые обосновал историческую миссию рабочего класса в России, его борьбу против самодержавия. «Пролетариат, — писал он, — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие».⁴¹

В своих воспоминаниях Л. И. Аксельрод приводит следующие слова Плеханова, обращенные к Гапону, который написал нечто вроде поэмы о хождении петербургского пролетариата к Зимнему дворцу: «Так вы думаете, что к народу можно и нужно обращаться с такими детскими сказками? Народ — это ведь самая большая сила в историческом движении, народ — это великая вещь, и обращаться к нему с убаюкивающими сказками есть прямое и ничем не оправдываемое преступление».⁴²

Работа Плеханова «К вопросу о роли личности в истории» являлась обоснованием и дальнейшей конкретизацией марксистского решения данного вопроса.

Плеханов стремится решить проблему роли личности в истории всесторонне. Он рассматривает следующие аспекты этого вопроса: 1) личность и необходимость; 2) личность и объективная закономерность исторического процесса; 3) личность и историческая случайность; 4) личность и развитие производительных сил и общественных отношений; 5) активная роль личности в развитии исторических событий.

Обосновывая марксистское решение вопроса о роли личности в истории, Плеханов приводит ряд интересных теоретических соображений, конкретных фактов и в блестящей форме, остроумно опровергает взгляды неокантианцев Зиммеля, Штаммлера и др. Критикуя последнего, он приводит неотразимые аргументы, полностью доказавшие справедливость решения проблемы свободы и необходимости материалистами-диалектиками. Подчеркнув нелепость примера Штаммлера с лунным затмением, Плеханов замечает, что «В число тех условий, сочетание которых необходимо для лунного затмения, человеческая деятельность никоим образом не

входит и входить не может, и уже по одному этому партия для содействия лунному затмению могла бы возникнуть только в сумасшедшем доме».⁴³

Раскрывая марксистское положение о соотношении свободы и необходимости, Плеханов подчеркивает, что свободная деятельность личности является сознательным выражением необходимости. Сознание необходимости делает личность великой общественной силой, что «может только усилить энергию человека, сочувствующего ему и считающего себя одной из сил, вызывающих это явление».⁴⁴

Отмечая односторонний, механистический характер решения старым материализмом вопроса о соотношении категорий «свободы» и «необходимости», Плеханов писал: «Детерминизм „философов“ не шел дальше в понимании роли необходимости в истории; поэтому для них историческое развитие было также подчинено случайности, этой разменной монете необходимости. Свобода оставалась чем-то противоположным необходимости, и материализм не был в состоянии, как указывал Маркс, понять человеческой деятельности... Только Маркс, рассматривая „человеческую практику“, сумел, ни на минуту не отказываясь от теории „материальности человека“, примирить „разум“ и „необходимость“».⁴⁵

Плеханов рассмотрел и взгляды идеалистов на соотношение свободы и необходимости. «Представление о свободе, — писал он, — заслоняло собою понятие о необходимости и тем мешало развитию науки. Эту aberrацию можно до сих пор с поразительной ясностью наблюдать в „социологических“ произведениях „субъективных“ русских писателей».⁴⁶

В настоящее время буржуазные социологи облыжно упрекают Плеханова в фаталистическом истолковании исторического процесса, в игнорировании роли личности в истории. Так, например, небезызвестный американский философ С. Хук в книжке «Маркс и марксисты» пытался всячески приписать Плеханову не свойственную ему позицию по вопросу о значении личности в развитии общества.

В противоположность этому ложному утверждению буржуазный социолог Лазерсон вынужден признать, что Плеханов подчеркивает активность личности в отличие от «экономических материалистов». «Что касается взглядов Плеханова на роль личности в истории, — пишет он, — они явно были позаимствованы более поздними русскими (советскими) марксистами. Ограниченная роль героев или личностей была объявлена еще Плехановым в его острой полемике с идеалистами-субъективистами как недо-

³⁹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, М.—Пгр., 1923, стр. 402.

⁴⁰ Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. IV, стр. 93.

⁴¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 205.

⁴² Под знаменем марксизма, 1922, № 5—6, стр. 16.

⁴³ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 303.

⁴⁴ Там же, стр. 308.

⁴⁵ Там же, стр. 189.

⁴⁶ Там же, т. I, стр. 636.

статок экономического материализма, который ничего общего не имеет с подлинным марксизмом, т. е. с диалектическим материализмом».⁴⁷

Плеханов писал, что свобода вытекает из осознанной человеком необходимости и что последняя составляет единственную твердую основу и прочную гарантию человеческой свободы. «Из сознательных свободных поступков отдельных людей необходимо вытекают неожиданные для них, непредвиденные ими последствия, касающиеся всего общества, т. е. влияющие на совокупность взаимных отношений тех же людей. Из области свободы мы переходим таким образом в область необходимости. Если несознаваемые людьми общественные последствия их индивидуальных действий ведут к изменению общественного строя, что происходит всегда, хотя далеко не одинаково быстро, то перед людьми вырастают новые индивидуальные цели. Их свободная сознательная деятельность необходимо приобретает новый вид. Из области необходимости мы опять переходим в область свободы.

«Всякий необходимый процесс есть процесс законосообразный. Изменения общественных отношений, непредвидимые людьми, но необходимо являющиеся в результате их действий, очевидно, совершаются по определенным законам. Теоретическая философия должна открыть их.

«Изменения, вносимые в жизненные цели, в свободную деятельность людей изменившимися общественными отношениями, — очевидно, тоже. Другими словами: переход необходимости в свободу тоже совершается по определенным законам, которые могут и должны быть открыты теоретической философией.

«А раз теоретическая философия исполнит эту задачу, она даст совершенно новую, непоколебимую основу философии практической».⁴⁸

Правильное решение вопроса о соотношении свободы и необходимости означает, по мнению Плеханова, признание того, что личность в своей деятельности определяется организацией общества и его законосообразным развитием. Это не исключает влияния исторической случайности на характер деятельности личности. Но ей поставлены определенные границы объективной закономерностью исторического процесса. Плеханов справедливо замечает, что «Субъективно-идеалистический взгляд на историю („мнения правят миром“), по-видимому отводящий такое широкое место свободе человека, на самом деле представляет его игрушкой случайности».⁴⁹

Рассматривая диалектику свободы и необходимости и применяя ее к вопросу о роли сознательной деятельности личности и класса,

⁴⁷ Twentieth Century Sociology. N. Y., 1945, стр. 691—692.

⁴⁸ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, стр. 595.

⁴⁹ Там же, стр. 552.

Плеханов подходит к решению проблемы роли субъективного фактора в истории. Он писал, что «человечество никогда не может перейти от одной поворотной точки своего экономического движения до другой, не пережив предварительно целого переворота в своих понятиях».⁵⁰ Плеханов глубоко ставит вопрос о роли идей для развития общества, выдвинув следующее положение: «...идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимою силою. В противном же случае, она служит источником слабости, разочарования, умственного и нравственного падения».⁵¹

Правильно понимая значение идеологии для развития революционного движения, впоследствии Плеханов при применении этой марксистской формулы к политическому движению рабочего класса отошел от этой позиции. В своей статье «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция» он выступил против ленинской постановки вопроса о внесении социалистической сознательности в стихийное рабочее движение.

Глубокой и обоснованной критике подверг Плеханов взгляды Лампрехта, Моно, стоявших на позиции социального фатализма. Но он выступал и против того течения в общественно-исторической мысли, которое сводило исторический процесс к истории деяний великих личностей.

Плеханов критически рассмотрел взгляды Сент Бева на роль случайности, индивидуальных особенностей личности в историческом процессе: «Каковы бы ни были особенности данной личности, она не может устранить данные экономические отношения, раз они соответствуют данному состоянию производительных сил. Но индивидуальные особенности личности делают ее более или менее годной для удовлетворения тех общественных нужд, которые вырастают на основе данных экономических отношений, или для противодействия такому удовлетворению».⁵²

Как бы влиятельна не была личность, она, подчеркивал Плеханов, не может изменить общее направление развития истории, но благодаря особенностям своего ума и характера может изменить индивидуальную физиономию событий и некоторые частные их последствия. Так Плеханов развенчивает буржуазный культ личности.

Касаясь вопроса значения талантливой личности в обществе, он справедливо отмечает, что «давно уже было замечено, что таланты являются всюду и всегда, где и когда существуют обще-

⁵⁰ Там же, т. II, стр. 216.

⁵¹ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. III, стр. 262.

⁵² Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 324.

ственные условия, благоприятные для их развития. Это значит, что всякий талант, проявившийся в действительности, т. е. всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений. Но если это так, то понятно, почему талантливые люди могут, как мы сказали, изменить лишь индивидуальную физиономию, а не общее направление событий: они сами существуют только благодаря такому направлению; если бы не оно, то они никогда не перешагнули бы порога, отделяющего возможность от действительности».⁵³

Плеханов определяет роль выдающейся личности как начинателя, видящего дальше других, хотящего сильнее других и способствующего поэтому решению великих исторических задач, поставленных закономерным ходом исторического развития.

Касаясь роли личности в истории идеологий и опровергая мнение Брюнетера о творчестве индивида независимо от среды, Плеханов справедливо указывал: «Мы скажем, что в области общественных идей гений опережает своих современников в том смысле, что он ранее их схватывает смысл новых, нарождающихся общественных отношений. Следовательно, здесь невозможно и говорить о независимости гения от среды. В области естествознания гений открывает законы, действия которых, конечно, не зависят от общественных отношений. Но роль общественной среды в истории всякого великого открытия сказывается, во-первых, в подготовке того запаса знаний, без которого ни один гений ровно ничего не сделает, а во-вторых, в направлении внимания гения в ту или другую сторону. В области искусства гений дает наилучшее выражение преобладающей эстетической склонности данного общества или данного общественного класса. Наконец, во всех этих трех областях влияние общественной среды сказывается в доставлении меньшей или большей возможности развития гениальных способностей отдельных лиц.

«Конечно, мы никогда не сумеем объяснить влиянием среды всю индивидуальность гения, но это еще ничего не доказывает».⁵⁴

В решении проблемы роли личности в истории Плеханов анализирует не только деятельность выдающихся личностей, но и значение деятельности рядовой личности в обществе. Он показывает, что история всегда слагается из суммы усилий и действий людей. Причем действия людей определены той исторической закономерностью, которая действует в обществе.

В своих работах, посвященных роли личности в истории, Плеханов раскрывает диалектику общего, единичного и особенного. Для него общим является движение народных масс, обусловленное развитием производительных сил, единичным — деятельность личности, которая принимает каждый раз особенный характер,

благодаря чему исторические события получают «индивидуальную физиономию».

В этих же работах он раскрывает диалектику необходимости и случайности, свободы и необходимости.

Плеханов в своих произведениях глубоко обосновал марксистский взгляд на роль личности в истории, творчески конкретизировал многие стороны диалектико-материалистического решения этой проблемы. До сих пор его статья «К вопросу о роли личности в истории», впервые опубликованная в журнале «Научное обозрение» за 1898 г., представляет собой лучшую марксистскую работу на эту тему.

Позже Плеханову не раз приходилось выступать с критикой теоретических взглядов и тактики эсеров. В этом плане останавливает на себе внимание письмо Плеханова, написанное в феврале 1902 г. редактору нью-йоркского журнала «The Comrade». В нем он писал: «Сила нашего революционного движения остается в движении рабочего класса, в развитии его классового сознания. Но покушение на политическое убийство ничего не прибавляет к развитию его сознания; наоборот, оно создаст для него много новых препятствий. Взвесив все, мы увидим, что эти покушения в настоящее время приносят вред революционному движению рабочего класса. Именно по этим соображениям российская социал-демократия осуждает тактику, которая носит название террористической. Она убеждена, что самодержавие не будет низвергнуто покушениями, направленными против того или другого из его служителей. Чтобы положить конец нашему политическому режиму, нужно массовое движение, и это движение уже значительно. Наш долг повелевает нам усилить его всеми способами, которые имеются в нашем распоряжении. Из всех этих способов наиболее действительным является агитация в массах. Поэтому мы стоим за агитацию».⁵⁵

При анализе роли средних людей, выдающихся исторических деятелей и значения общественной среды Плеханов борется и против идеализма, и против фатализма. Попытка некоторых современных философов Запада⁵⁶ приписать Плеханову фаталистическую точку зрения в указанном вопросе является несостоятельной. Плеханов в полной мере подчеркивал роль случайности в исторических событиях и значение ее в появлении и деятельности выдающихся людей. Но и случайность для него является объективной причиной в цепи исторических событий, в то время как для субъективистов случайность находится вне причинной исторической связи исторических явлений и тем самым не имеет никакого отношения к закономерности исторического процесса. Плеханов в «Основных вопросах марксизма» замечает, что только истори-

⁵³ Там же, стр. 329.

⁵⁴ Там же, т. I, стр. 667—668.

⁵⁵ Архив Дома Г. В. Плеханова, G 32, № 10738, лл. 1—2.

⁵⁶ «Les temps modernes», Septembre 1957, p. 377.

ческий материализм отводит надлежащее место и «личности», и «среде», и средним людям, и великим «избранникам судьбы».⁵⁷

В 1894 г. на немецком языке была издана брошюра Плеханова «Анархизм и социализм». В ней критикуются взгляды теоретиков анархизма — Штирнера, Прудона, Бакунина и политическая платформа современного анархизма (отношение к политике, к парламентской борьбе, к борьбе за восьмичасовой рабочий день и пр.).

Анализируя позицию анархистов в вопросе о государстве, Плеханов коснулся лишь проблемы отмирания государства при коммунизме. Он критиковал требование анархистов об уничтожении государства «с сегодня на завтра», их отказ от всякого государства.

Все эти критические положения Плеханова представляют собой безусловную теоретическую ценность, и его брошюра имела определенное историческое значение, пользовалась популярностью в социал-демократических партиях. Но в этой работе Плеханова был обойден важнейший вопрос, который являлся водоразделом между революционно-марксистским и оппортунистическим пониманием проблемы государства, — об отношении пролетарской революции к государству. «Но говорить об „анархизме и социализме“, обходя весь вопрос о государстве, не замечая всего развития марксизма до и после Коммуны, — писал Ленин, — это значило неминуемо скатываться к оппортунизму».⁵⁸

Плеханов обошел вопрос об исторической необходимости разбить, уничтожить буржуазную государственную машину и в ходе социалистической революции создать новое, пролетарское государство, которое исторически будет означать диктатуру рабочего класса.

Без раскрытия этих важнейших марксистских положений критика анархизма Плехановым не только была односторонней, но повисала в воздухе.

Едва ли это можно считать случайным. Плеханов при опубликовании своей брошюры несомненно считался с позицией Каутского и других «ортодоксов», которые в рассматриваемых вопросах отходили от марксизма.

Классовый характер государства признавался Каутским не в силу общественной природы и происхождения государства, а вследствие того, что оно использовалось господствующими классами в их интересах. Само по себе государство призвано, по его мнению, выполнять общественные функции. Отсюда у Каутского и других центристов следовал оппортунистический вывод: борьба против современного государства — это анархизм, социал-демократия должна это государство завоевать.

⁵⁷ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, стр. 183.

⁵⁸ В. И. Ленин, Сочинения, т. 25, стр. 447.

Подоплека этой гнилой и антимарксистской теории Каутского ясна. Уже в начале 90-х годов он в своих письмах Мерингу в самой недвусмысленной форме отрицал необходимость и историческую неизбежность уничтожения буржуазной государственной машины и сводил понятие диктатуры пролетариата к понятию буржуазной парламентарной республики.⁵⁹

Вообще в системе взглядов Плеханова вопрос о государстве был самым уязвимым местом. В решении его он допустил наиболее серьезные ошибки даже в ранний период своего научного творчества. В статье «О материалистическом понимании истории» (1897) Плеханов высказывает неверное положение о происхождении и сущности ранних исторических форм государства. Касаясь высказывания Лабриолы о том, что государство является организацией господства одного общественного класса над другим, он утверждает, что это положение не выражает полной истины. И в Греции, по словам Плеханова, возникновение государства в значительной степени должно быть отнесено за счет необходимости общественного разделения труда. Вот почему он не останавливается на анализе марксистского понятия государства в антагонистическом обществе как насильственной организации подавления эксплуатируемых классов, устраняется от рассмотрения главной внутренней функции государства этого общества. Едва ли нужно говорить, что это не могло не обесценить анализа марксистского учения о классовой борьбе. Плеханов склонялся к мысли, что в образовании государства играют роль не только противоречия, но в значительной степени и общность классов в борьбе с природой. В таких государствах, как Китай или древний Египет, где цивилизованная жизнь была невозможна без очень сложных и обширных работ по регулированию течения и разлива больших рек и по организации орошения, возникновение государства, по его мнению, может быть в весьма значительной степени объяснено непосредственным влиянием нужд общественно-производительного процесса.⁶⁰

В ходе политической эволюции Плеханов в меньшевистский период своей деятельности пришел к заключению, что не только борьба классов, но и их сотрудничество определяет собой общественно-исторический процесс. Эта ложная мысль была им высказана в годы первой мировой войны, в частности в «Истории русской общественной мысли».

⁵⁹ R. Luxemburg, Gesammelte Werke, III, стр. 22—23.

⁶⁰ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 249.